

Ночлег

(Подгородные сцены)

Оригинал здесь: Библиотека Нестора.

На дворе стояла оттепель, смеркалось; по опустевшим городским улицам кое-где бродил народ. Запоздавшие на базаре мужики, лежа в санях, перекликались и погоняли лошадей. На самом краю города, в харчевне виднелся огонь. У крыльца, на площадке, густо покрытой навозом, стояли извозчичьи и крестьянские сани. Свет, полосой падавший из окна, освещал шершавые бока лошадей, угрюмо мотавших мокрыми хвостами, и наблюдавшего за лошадьми мальчишку в полушубке.

Рядом с харчевнею, в ворота постоянного двора въезжали мужики. На дворе виден был фонарь, висевший на перекладине, и несколько крестьянских саней. В избе тоже светился огонь. Хозяйская работница накрывала на стол и сбирала ужин. Человек пять мужиков сидело по лавкам; один из них разувался и вытаскивал из сапог солому; другой полез было на печь, однако слез - на печи лежал хозяин пьяный. Между тем в избу всё входили вновь приехавшие мужики; понизу из двери стлался пар; в сенях хозяйка выдавала овес.

- Щец, что ли, влить, али вперед квас станете хлебать? - спрашивала у мужиков работница.

- Мы всё станем, - отвечал один.

- Подавай, что есть, - прибавил другой.

Работница поставила на стол чашку с квасом, мужики помолились на образа и сели. Вошла хозяйка с фонарем и сказала:

- Хлеб да соль!

- Просим милости, - ответил один из мужиков, высыпая в чашку накрошенную рыбу.

- Огурчика бы, - вполголоса заметил другой.

- Нету, родимый, нету... Прокисли, - ответила хозяйка. - Мало соли, что ли, уж не знаю. Скотине покидали, и скотина не ест. Такая мне, право, досада с этими с огурцами; кабы знала, легче бы не солила.

Мужики молча стали хлебать квас.

- Это кто ж у вас, хозяйка, на печи-то лежит? - спросил один из сидевших за столом.

- Хозяин лежит, родимый, хозяин. Грешным делом тоже выпил, ну и спит. Незомь 5 его.

- Что ж он у вас, дерется? - спросил другой.

- Нет, драться он не дерется, а тоже со временем озорничать лют. Черёзвый он у нас смирен; так смирен, настоящий андел, хошь паши на нем; ну а выпьет, - всех распушает.

В это время вошли только что приехавшие, помолились, сказали "хлеб да соль" и начали раздеваться.

- Кирсановски будете? - спросил один из вновь вошедших.

- Нет, мы духовщински, - не глядя отвечал один из сидевших за столом.

- Давно ль из двора?

- Пяты сутки.

- Ну, как дорога?

- Что дорога? Дорога ноне везде одна.

- Дорога, брат, Сибирь, - добавил другой.

- Лошадей так сморили, так сморили, - ни на что не похоже.

Ноне утром встали, вышел я лошадей попоить; а они, брат, за овес-то и не примались.

- Как не сморить. Пуще всего моча одолела. Эдакой мочи то есть и не видано. Всё норовим засветло ночевать. Теперь ночью где в зажоре застрял, беда. Пропадешь.

- Пропадешь. Долго ли до греха.

- Ночью как можно? - сказал один, развешивая над печкою онучья. - И днем-то не приведи господи, а не токма что ночью. Тоже и скотину беречь нужно. Дорогой-то едешь, почитай что все на себе везешь.

- Скотину не беречь, что ж тогда будет? - заметил один из сидевших за столом и прибавил:

- Лапши нету?

- Нет, лапши нету, - отвечала хозяйка. - Мы картофь варили.